

красоты. Теперь техническая форма уже не воспринималась как нечто антиэстетическое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глазычев, В. Еще раз о дизайне / В. Глазычев // Искусство. – 1973. – № 7. – С. 22–27.
2. Глез, А. О кубизме / А. Глез, Ж. Меценже. – СПб., 1913. – 185 с.
3. Гомер. Одиссея / Гомер / Пер. В. Жуковского. – М.: Правда, 1984. – 320 с.
4. Луначарский, А.В. Об изобразительном искусстве / А.В. Луначарский. – М.: Советский художник, 1967. – Т.1. – 512 с.
5. Манифесты итальянского футуризма. – М.: Типография Русского товарищества, 1914. – 80 с.
6. Мастера советской архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1975. – Т.2. – 584 с.
7. Материалы по истории художественного конструирования / редкол.: Г.Б. Минервин, Е.П. Зенкевич, Л.В. Марц. – М.: ВНИИТЭ, 1972. – 162 с.
8. Модернизм: анализ и критика основных направлений / под ред. В.В. Ванслово и Ю. Д. Колпинского. – М.: Искусство, 1973. – 279 с.
9. Моррис, У. Искусство и жизнь / У. Моррис. – М.: Искусство, 1973. – 511 с.
10. Read, H. Art and Industry: the Principles of Industrial Design / H. Read. – London: Faber & Faber, 1934. – 152 p.

ВЕК XVIII: НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ЛОШИЦЫ ГОРНОСТАЕВСКОЙ

CENTURY XVIII: SOME FACTS FROM THE BIOGRAPHY OF LOSHITSA GORNOSTAEVSKAYA

Н.М. Новикова

N.M. Novikova

Минск, Беларусь

Minsk, Belarus

e-mail: dedal39@mail.ru

Смена хозяина самым благотворным образом отразилась на судьбе Лошицкого владения. На фоне общего подъёма экономики державы, начавшегося после окончания Северной войны несмотря на государственную дестабилизацию, Лошица вступила в период возрождения и к середине столетия это уже было крепко стоящее на ногах имение. В статье рассматриваются обстоятельства жизни его новых владельцев и их вклад в восстановление хозяйства.

The change of ownership in the most beneficial way affected the fate of Loshitsky's possession. Against the background of the general rise of the economy of the power, which began after the end of the Northern War despite the state destabilization, Loshitsa entered the period of rebirth and by the middle of the century it was already a solid economy. The article exam-

ines the circumstances of the life of the new owners of the estate and their contribution to the restoration of the farm.

Ключевые слова: Прушинские; восстановление экономики; фольварочное хозяйство; инвентари; иезуиты; бискуп; каплица.

Keywords: Pruszynski; economic recovery; folly farming; inventory; Jesuits; biscop; kaplis.

В первой половине XVIII века после феодальной анархии и долгой череды войн, приучивших несколько поколений белорусов не строить прочного жилья и планов на будущее, держава пребывала в глубоком экономическом упадке. Хозяйственная жизнь была полностью разрушена, торговля уничтожена. Страна лежала в руинах. Обрабатывать запустевшие поля было некому – поселенцы или погибли от голода и эпидемий, или были вывезены в Россию.

История князей Друцких-Горских, древнейших белорусских аристократов, около двух столетий владевших Лошицкими угодьями, близилась к завершению. Вместе с тем таяла и их вотчина, уплывавшая из дырявых рук последнего князя – Михала Антония, который знал только один способ добывания средств – заставу, а затем продажу земельной собственности, предварительно обескровленной заставными владельцами.

День 16 апреля 1719 года, когда был оформлен акт продажи Лошицы Горностаевской, стал для имения и его немногочисленных обнищавших подданных, чудом уцелевших в военной мясорубке, началом новой жизни. В Лошице, на протяжении почти сорока лет не имевшей постоянного хозяина и переходившей от одного временщика к другому, наступили благоприятные перемены, её история переплелась с историей рода Прушинских – старинной гербовой шляхты.

Смена владельца усадьбы совпала с окончанием Северной войны, последствия которой предстояло исправлять долгим и невероятно тяжёлым трудом. Но было отрадно, что владычество кровопийц-арендаторов, наконец, закончилось. И это – несмотря на то, что панщина выросла до 8-12 дней с тяглой волоки в неделю, а кроме повинностей в пользу помещика на плечи крестьян после войны ложились еще и государственные налоги, так называемое подымное [9, с. 66].

В отчаянно тяжелых условиях начиналось медленное восстановление экономики державы. Из-за недостатка рабочих рук и скота земля плохо обрабатывалась, плохо удобрялась, и урожайность была невысокой. Но новый владелец Лошицы – Ежи Антоний Прушинский, крайчий минский, – имел средства для ведения дел, поэтому его фольварочные запашки развивались, и постепенно лошицкое хозяйство начало восстанавливаться.

Прушинские не были коренными жителями Минской земли. Выходцы «из земли Бельской, что на Подлясье», они вели свою родословную от князя Константина Федоровича из Прошанки Баранков и использовали герб «Любич» (рис. 1), один из наиболее распространенных в Речи Посполитой. На его лазоревом щите, увенчанном рыцарским шлемом и короной с тремя страусовыми перьями, в окружении пышного намёта красовалась концами вниз серебряная подкова – символ рыцарской доблести и благородства. Два кавалерских креста – на вершине подковы и внутри нее – служили свидетельством христианского благочестия представителей рода и полагавшейся им небесной награды за безусловно исполняемый долг.

Рис. 1. Любич – польский шляхетский герб

Имя почтенного Константина Фёдоровича в древних актах появляется после 1445 года. Родоначальником же белорусской ветви семьи стал некто Анджей, сын Амброзия. «Выдалившись из Подлясья», он обосновался в Менском воеводстве в середине XVII века, женился на Зофии Войничанке и начал скупать имения, чем заложил основу будущего благосостояния своих потомков [8, s. 359—360; 1, s. 81; 5, с. 54 об., 72, 101].

Представители этого рода отличались завидным упорством и целеустремленностью в приращении земельных владений. Благодаря их неустанным заботам в первой трети XVIII века в руках Ежи Антония Прушинского, городничего оршанского и крайчего минского, оказались сосредоточены многие поместья, расположенные в Виленском и Минском воеводствах. Он уже давно и успешно вытеснял князя Михала из вотчинных владений, скупая их одно за другим, и к 1731 году постепенно скупил в Минском воеводстве все (или почти все) земли, некогда

принадлежавшие Друцким-Горским: Королицевичи, Тростенец, Новый Двор, Лошицу – с деревнями, подданными и всем инвентарем [6, лл. 831об., 909, 914об., 923, 933об., 939–939об., 945, 949об., 950об., 973об.].

Новый владелец был прилежным хозяином. При нем Лошицкое поместье, избавленное от алчности арендаторов, переживало возрождение вместе со всеми своими подданными. Преображался и облик феодального двора: обновлялись и отстраивались жилые, хозяйственные и служебные постройки, появлялись новые посадки.

Несмотря на сложность внутривластической обстановки и своеволие шляхты, на непрекращавшуюся борьбу между влиятельными магнатскими кланами и присутствие в стране российских войск, к середине XVIII века на Беларуси было в основном завершено восстановление сельского хозяйства, и начался его медленный подъем. Вторая половина XVIII века, как отмечают исследователи, стала качественно новым этапом развития феодальных отношений, переходом от натурального хозяйства к денежному. Это приводило к накоплению капиталов дворами.

Начался рост вотчинного предпринимательства. По численности на первом месте находились винокурные заведения и пищевые (мельницы и маслобойни). Наиболее товарной отраслью промышленного производства было винокурение: продавалось 96% продукции вотчинных винокурен [2, с. 35]. При этом феодалы не ограничивались сбытом водки купцам, строили собственные корчмы, постоянные дворы и гостиницы, в которых реализовывали спиртные напитки – и собственного производства, и импортные.

Феодальные хозяйства усиленно отстраивались: сооружались винокурни, заезжие дома, склады, скотные дворы, различные хозяйственные службы. Во всех поместьях завелись огороды, птичьи дворы, пчелиные улья, рыбные пруды. Появились посевы картофеля. Возникло парниково-тепличное хозяйство, расширились фруктовые сады. В резиденциях велось активное парковое строительство.

Все эти признаки развития, общие для Беларуси, встречаем и в Лошице. Инвентарные описания двора, составленные во второй половине XVIII века, дают не только полную и всестороннюю картину экономики имения, но и возможность представить и описать структуру усадьбы, сообщают подробности усадебного развития. Из этих хозяйственных документов мы узнаем, что новый владелец спустя пять лет после покупки имения настолько продвинулся в его укреплении, что приступил к восстановлению дворных построек. Усилиями домашних зодчих над слиянием Лошицы со Свислочью для него был возведен «палац». Он вырос на месте прежнего дома, построенного еще при Горностаях – в конце XVI века и, скорее всего, погибшего в военное лихолетье.

Несмотря на громкое название, «палац» имел довольно скромные размеры. Добротная одноэтажная постройка из крепкого «бруса, на мурованом фундаменте, накрытом тесом от дождя, под высокой гонтовой крышей» включала девять покоев, организованных последовательно и симметрично и имевших два противоположных выхода в просторные сени (рис. 2). Часть задней стены и три перегородки были кирпичные. В дом вело небольшое крыльцо на две ступени и без покрытия. Внешний облик «палаца» не поражал великолепием, но его интерьеры были любовно украшены нарядными печами, облицованными зеленым, пестро-зеленым, белым и вишневым кафелем. В то время, как отмечают исследователи, чрезвычайным спросом пользовались полихромные изразцы мануфактуры М.К.Огинского в Телеханах и радзивилловской фабрики в Сержене [3, с. 188].

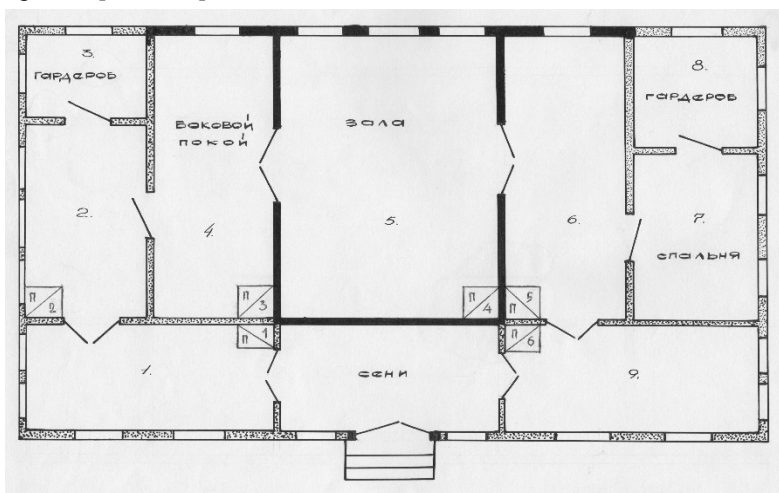

Рис. 2. Реконструкция плана усадебного дома в Ложице

Три вместительных подвальных помещения, куда вели два спуска с разных сторон дома, предназначались для хранения продуктов и сообщались с внутренними покоем дома. Хотя война закончилась, время, тем не менее, было неспокойное, поэтому владелец предпринял меры безопасности: подвальные окна были забраны прочными железными решетками, а окна покоев снабжены ставнями [6, лл. 426–442; 7, лл. 389–405].

Внутренняя планировка дома, очевидно, без особых изменений существовала до конца 80-х годов XIX столетия. А внешний вид усадьбы сохранила для нас акварель польского художника Юзефа Пешки (1767–1831), портретиста и исторического живописца, который значи-

тельную часть жизни провел в Беларуси, работая при дворе Михаила Радзивилла, и в 1809—1810 годах жил в Минске, писал окрестности Минска, Дукоры, Смилович. Он оставил потомкам множество природных и городских пейзажей Беларуси. Среди них – небольшая акварель «Лошица, имение Прушинских в полумиле от Минска», которая ныне хранится в научной библиотеке им. В. Стефаника г. Львова (рис. 3).

Рис. 3. Юзеф Пешка. Лошица, усадьба Прушинских в полумиле от Минска

Акварель являет нам окрестности Лошицкой усадьбы в начале XIX века и помогает определить масштаб и пропорциональные соотношения построек. Ее можно рассматривать как документ, точно отражающий обличье отдельных служб и всю усадебную планировку. А инвентари, фундаментальные свидетельства состояния хозяйства и состоятельности владельцев, связанные с определенными юридическими событиями в их жизни, позволяют поближе познакомиться с устройством Лошицкого комплекса и убеждают, что во второй половине XVIII века он сохранял характер фольварочного хозяйства.

Первый из них [7, лл. 389–405] составлялся осенью 1772 года по поводу разграничения имений Прушинских (Королищевичи, Новый Двор и Лошица) с имением Гатово, которое принадлежало Минскому бернардинскому женскому монастырю.

Инвентарь, составленный в соответствии с бюрократическими требованиями времени, начинает свое свидетельствование с подступов к усадьбе Прушинских, и в нынешней планировке мы узнаем приметы дней минувших. Вот корчма, которую встречаем, «кидя из Нового Двора новым гостинцем до двора Лошицкого, по левой руке». (Лет 20 назад её

обгоревшие остатки ещё красовались на холме у поворота в усадьбу). Корчма описана со всеми подробностями и отмечено, что в ней расположено на постой некое воинское подразделение, но без указания на принадлежность («obozna družyni»). Риснём предположить, что в то тревожное время трагического уничтожения независимости державы, когда присутствие российских войск на белорусских землях стало уже привычным, здесь мог обосноваться один из отрядов восточного соседа.

За корчемными постройками и службами, над плотиной, – «млын на 2 колеса» и «мост новый с поручнями» (дожившие в новом облике до наших дней). Далее, наискосок, – дворный бровар с двумя кирпичными горнами (в конце XIX века получивший развитие в виде крупного усадебного производства). За мостом – хозяйственный двор с конюшней, сушнями и хлевами для скотины, сгруппированные в едином комплексе под соломенной крышей. Производственная зона огорожена парканом, тянущимся вдоль Минского гостинца и отделяющим ее от фольварочного двора, куда со стороны млына ведут крытые дранкой ворота.

Далее следует подробное описание панского двора с хозяйственными постройками и господским домом – возведенным на береговом холме «палацем», который был центром жизни для обитателей Лошицы Горностаевской и ее подданных. Возовни и стаи (конюшни), соседствующий с ними шпихлер (житница) заполняли пространство напротив «палаца». В некотором отдалении, по направлению к Минскому гостинцу, возвышалась небольшая усадебная церковь (она и ныне там, вернее, то, что от неё осталось).

После описания построек наступает очередь фольварочного имущества, перечисляется «инвентарь железный, деревянный, а также рухомость, в скарбце и свирнах находящаяся»: посуда, инструменты, продукты питания и фольварочного производства. Указываются размеры посевов по культурам, количество высеянного зерна, размеры прошлогоднего урожая и остатков «збожжа в снопах и зерне». Добросовестно перечисляется поголовье птичника и скотного двора с обязательным указанием возраста и масти каждой особи, не забыты огороды и сенокосы.

Далее следует поимённый перечень «подданных, до маентности Лошицы принадлежащих», с чадами и домочадцами, с наделами, чиншами и повинностями, с «быдлом рогатым и нерогатым». Хозяева перечисляются по дворам: «весь Лошица» – население 16 семей, «весь Коледичи» – 31 семья, «весь Корзюки» – 12 семей, «весь Обчак» – 25 семей. И судя по размерам чинша и численности крестьянского стада, состоявшего из волов и лошадей, подданные панов Прушинских не бедствовали. В каждом дворе имелось от двух до десяти голов рабочего ско-

та; подавляющее большинство хозяев владело стадом в 5–7 голов. Имение переживало оживление хозяйственной деятельности и экономический подъём.

Завершается инвентарь списком арендаторов с указанием размеров их чинша.

Изменения, происходившие в усадьбе, которая в течение XVIII века сменила пятерых владельцев из дома Прушинских, отразили характер хозяйствования каждого из них, каждый оставил след в её биографии и облике. В 1734 году владения Ежи Антония унаследовал его двадцатипятилетний сын Юзеф Антоний. Воспитанный иезуитами, он был вооружен дипломатическим искусством и сосредоточен на приращении благосостояния.

Иезуиты появились на Минской земле в середине XVII столетия. А в главном городе воеводства обосновались в 1654 году благодаря фундации смоленского бискупа Геронима Сангушки, который купил для них участок земли на юго-западной стороне Высокого рынка. Приютом им стала усадьба мещанина Егора Гегера с двумя жилыми домами и комплексом хозяйственных построек за высокой каменной оградой, располагавшаяся в самом начале Койдановской улицы (ныне Революционной).

Иезуиты умели завоёвывать всеобщее расположение, и вскоре в их резиденции начала действовать бесплатная школа, какие во множестве открывались тогда в городах Беларуси. Здесь преподавали грамматику, синтаксис, риторику и поэзию. Бесплатное обучение европейского уровня без ограничения сословной и конфессиональной принадлежности пришлось по душе всем слоям населения, и к началу XVIII столетия в минской школе обучалось более 30 человек. В середине столетия школьная программа расширилась, включала теологию, древнееврейский язык, этику, математику, физику, логику и метафизику. В щедрых жертвователях воины Иисуса не знали недостатка: Условские, Бжостовские, Огинские и прочие, прочие. Короли Речи Посполитой наделяли Минский коллегиум различными привилегиями, и очень скоро, в 1672 году, иезуитская школа обзавелась новым двухэтажным кирпичным зданием.

Прушинские, ревностные католики, с иезуитами были связаны очень тесно. Все трое сыновей Ежи Антония обучались, вероятнее всего, в Минском коллегиуме. Его выпускники могли оставаться светскими особами или принадлежать к другим католическим орденам, однако сыновья Прушинского прочно связали свою жизнь с братством Иисусовых воинов – стали монахами. Старшие, Кароль Героним и Михал, «закончили жизнь в этом состоянии». А младший, Юзеф Антоний, после

смерти отца получил костельное отпущение, то есть отрекся от монашества и с согласия Папы перешел в светское звание. Он вступил во владение наследством, женился и стал вести жизнь светского человека.

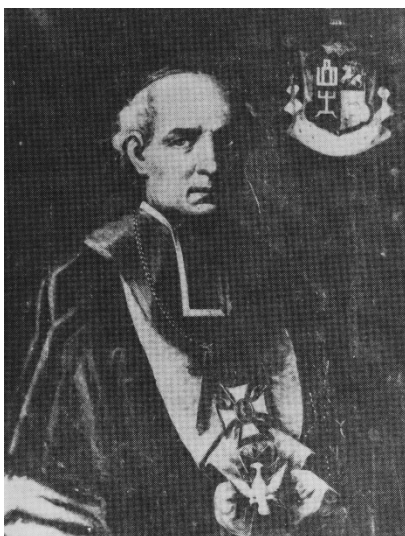
Дед Юзефа – Героним Прушинский, городничий оршанский, умерший в 1714 году, – оставил своему единственному сыну Ежи Антонию, отцу Юзефа, не слишком большую «маентность» – имение Игнатичи и плац в Минске, «на подзамчу лежащий». После матери, Фелицианы из Олендзких, Ежи унаследовал еще имение Гребень в Минском воеводстве с деревнями Бельковичи, Бирчуки, Еськевичи и Погуляй Слобода. Сыновья Ежи Антония – внуки Геронима – также получили от деда свою долю наследства: пятилетний Юзеф и его старший брат Михал стали владельцами в Минске каменного дома с лавкой [5, л. 100 – 100 об.].

За 20 лет Ежи Антоний Прушинский, крайчий Минский, весьма преуспел в расширении своих владений, и Юзеф после смерти отца оказался собственником очень значительной земельной собственности. Ему принадлежали Лошица, Новый Двор, Королищевичи, Тростенец и заставные поместья в Минском воеводстве, Бегушки в повете Вилькомирском, Сенежить и другие имения в Новогрудском воеводстве, Свираны и Кемелишки в Свенцяном повете, Белишки – в Волковыском, Городечна – в Оршанском, а также земли в Слонимском повете.

Судьба была к нему благосклонна. Великолепное образование и воспитание, которое бывший монах-иезуит получил в Риме, открывали дорогу к высоким должностям. Сначала подстароста судовой и подचाший минский, он в 1766 году получает привилей короля Станислава Августа на звание и должность чешника Минского воеводства. Три года спустя минскому судовому подстаросте и чешнику Юзефу Прушинскому выдан от короля привилей на звание и должность подкомория Минского воеводства. В 1771 году он – маршалок Главного Трибунала Литовского. Он удостоивается высших государственных наград Польши – ордена Белого Орла, одного из старейших польских орденов (предположительно, учрежденного в 1325 г.), и святого Станислава, который был наградой за гражданские заслуги и пожалован ему в апреле 1772 года [5, л. 100 об. — 101].

Духовным особам полагалось носить нашейные варианты этих орденов. Такие знаки получил и Юзеф Антоний, поскольку после смерти жены, Эльжбеты Бригиды Янишевской, он, движимый духом благочестия, вновь обратился к служению Богу и, отказавшись от светских должностей, с одобрения Папы принял посвящение в почётный сан бискупа мелитенского, став титулярным епископом. То есть епископом несуществующей кафедры, управлять которой был призван не фактиче-

ски, но потенциально. Титулярные епископы носили исторический титул города, который или уже не существует, или находится на нехристианских территориях, попасть куда для епископа нет возможности. Церковная кафедра древней Мелитены, области в северной части исторической Малой Армении, хотя была давным-давно утрачена, юридически не считалась прекратившей своё существование. Это давало папству возможность поддерживать видимость прав на некогда существовавшую епархию, но без возможности обретения епископом соответствующей юрисдикции. Подобная практика, широко применявшаяся в католической церкви, появилась после Первого Никейского собора (325 г.) и позволяла епископам, вернувшимся в общение с церковью, сохранять своё достоинство без власти над конкретной епархией.

Рис. 4. Юзеф Прушинский, бискуп мелитенский. (Источник: Kieniewicz, A. Nad Prypęcią dawno temu... Wspomnienie zamierzcłej przeszłości. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Łódź. 1989).

Но прежде чем окончательно обратиться к Богу, Юзеф Прушинский (рис. 4) счёл необходимым позаботиться о вотчине, которая подлежала разделу между сыновьями. 16 марта 1779 года (достигнув почтенного семидесятилетнего возраста) бискуп разделил свое наследственное и благоприобретенное имение на 5 равных взаимозаменяемых частей, оценочной стоимостью в 200 000 злотых каждая, и распределил их следующим образом. Старшему сыну, минскому подкоморию Антонию, пожаловал семейную резиденцию – Новый Двор; Фелициану, минскому

земскому судье, – Тростенец; Бегушки в Ошмянском повете получил Тадеуш, минский подचाший; а Королишевичи с фольварками и деревнями – Станислав, генерал-адъютант Польских войск. Лошица досталась младшему – Казимиру. «Сверх того, разные дома и пляцы в городах Минске и Вильне разделил между тех же сыновей», — гласит документ. Однако имение Тростенец, назначенное Фелициану, бискуп, подумав, оставил до поры при себе, а сына удовлетворил наличной суммой в 200 000 злотых на покупку имения Городечно в Ошмянском повете. Раздел был одобрен и подписан сыновьями [5, л. 101].

Итак, Лошицу получил Казимир, которому было тогда около 20 лет. Но владел ею он совсем недолго. Вскоре после раздела вотчины Казимир выехал в Вильню, где изучал отечественное право и где в то время проходили заседания Главного Литовского Трибунала, привлекая в столицу многочисленную и разношерстную публику. Казимир был очень молод, легкомыслен и плохо разбирался в людях. Под влиянием дурной компании он сделал несколько десятков тысяч долгу и неожиданно для себя оказался совершенно без средств. Долги были столь велики, что над его недвижимостью, то есть Лошицей, нависла нешуточная угроза потери. Насмерть перепуганный Казимир бросился за помощью к брату Станиславу, который, на счастье, оказался рядом, так как в качестве трибунальского депутата участвовал в заседаниях.

Братья решили, дабы не пропала вотчина, за что суровый отец не погладит по головке, оформить на нее дарственный документ в пользу Станислава. Таким образом, уже в октябре Станислав становится владельцем Лошицы с принадлежностями «и всей рухомостью, какую на тот час имел Казимир» [7, л. 752–755 об.]. Ввод во владение выполнили очень быстро и втайне от отца, который, несмотря на раздел имений, оставался их пожизненным владельцем, что несколько ограничивало права сыновей на собственность.

26-летний Станислав, несмотря на молодость, обладал трезвым умом, здоровым честолюбием и деловой хваткой. Приняв Лошицу, он развернул в ней активное строительство. В усадьбе появились кухня, новая обора, парники, прачечная, баня. Под окнами дома, со стороны реки, был разбит палисадник, возможно, как элемент будущего парка. Изменения коснулись также дома, получившего еще две печки – во втором и пятом покоях.

Существовавшую усадебную церковь в 1788 году Станислав переделал настолько основательно, что это дало ему право говорить о постройке в усадьбе костела, который освятили под титулом Рождества Пресвятой Девы Марии [4, л. 10]. Рядом с костелом появился жилой

дом для алтариста, ему был выделен морг земли под огород и обеспечена ежегодная оплата в размере 700 злотых.

Небольшая церквушка без колокольни, стоявшая на береговом холме, рядом с Минским гостинцем, издавна обслуживала религиозные потребности местного населения. Информации о ней немного, почерпнута она из двух инвентарных описаний «на маентность Лошицу, в воеводстве Минском лежащую», один документ составлен в 1772 году, другой – в 1789-м. Ни время возникновения церковки, ни подробности строительства, ни ее конфессиональную принадлежность инвентари не указывают.

Однако, умалчивая о планировке здания, его размерах и архитектурных тонкостях, инвентарь 1772 года [7, лл. 393–394] сообщает, что «церковь – кирпичная, с деревянным бабинцом, крыта гонтами, с куполом, на котором установлен крест. По углам бабинца – еще два железных креста». В церковь через бабинец ведут две двери – одна напротив другой, обе на завесах, с засовами. Третья – сбоку (вероятно, в ризницу), также на завесах, «с цепочной защепкой, пробоями и висячим замком». Инвентарь упоминает наличие двух больших церковных колоколов, один из которых за отсутствием колокольни подвешен на вербе, другой хранится в церкви.

Литургическое оснащение маленького храма, хотя и обладавшего тремя алтарями, не отличалось ни богатством, ни особенной изысканностью, но собиралось тщательно и с любовью. В пресбитерии «вместо деисуса» располагался «большой алтарь», установленный, как и положено, на подиуме и огражденный крашеной балюстрадой с дверцами. Самый священный предмет христианского храма – ciborium, предназначенный для хранения культовых сосудов, представлял собой скромный шкафчик «столярской работы», покрытый черной краской, с дверцами «на завесах, с замочком и ключиком». Так же скромны хранившиеся в нем набор литургической утвари: оловянная пушка со святыми дарами «с верхом»; на корпорале (алтарном покрытии) – покрывальце из серебряного галуна, а на нем – оловянный келих (чаша для вина) с патеной и две ложки для причащения: одна оловянная, другая – из неизвестного металла. А еще антиминс – плат с защитными частицами мощей, который в западной христианской традиции отсутствует, но используется для проведения богослужения по византийскому обряду (православному или греко-католическому). Его наличие в лошицкой церкви наводит на мысль о принадлежности храма к униатству.

В наставе большого алтаря «столярской работы», окрашенного в черный цвет, – икона Святой Троицы с заслонкой из белой китайки. На крашеной менсе (столешнице) – алтарные покровы: две товальни (поло-

тенца) и полотняное покрывало с кружевами. Рядом деревянный пюпитрик под мшал, две пары деревянных фонарей и деревянный же крест с обязательным распятием.

Второй алтарь, посвященный Пресвятой Деве Марии, культ которой особенно почитаем у католиков, наряжен и выполнен с особым тщанием. Над ним трудился резчик, он покрыт черной краской и отделан позолотой. Образ Богоматери, представленный на металлической пластине, имеет две серебряные короны и серебряное облачение. Его украшают 3 серебряные воты, один серебряный агнец, 7 ниток кораллов, 3 нитки бисера. И заслонок у него три: одна газовая, вторая шелковая, третья из китайки кармазиновая. На крашеной менсе этого алтаря – три товальни: две «ткацкие» (домотканые), третья – «szwabska» (немецкая, импортная) с простыми кружевами, две пары деревянных фонарей, деревянный крест с оловянным распятием и полотняное покрывальце.

Третий алтарь посвящен Святому Николаю. Его изображение снабжено кружевной заслонкой. На менсе – подиум, окрашенный белой краской и 2 пары деревянных фонарей; в наборе алтарных покровов полотняное покрывальце и три товальни, одна из которых особенно ценная – «szwabska».

Кроме алтарного убранства, в церкви имелся некоторый запас литургических принадлежностей, а именно: три корпорала, три пурификатора (детали алтарного облачения), старая бронзовая кадильница, алтарный колокольчик и железные щипцы.

Еще церковь располагала некоторым дополнительным набором предметов, необходимых для богослужений. Среди них наиболее ценной для прихожан представляется выносная икона, на которой с одной стороны была изображена Пресвятая Дева Мария Ченстоховская за китайковыми занавесками; с другой – святые Пётр и Павел, украшенные простыми бусинами. Имелись еще четыре иконы, выполненные на деревянной основе, деревянный крашенный процессионный крест и четыре старые хоругви разного цвета. Небогатый комплект облачения священника состоял из желтого китайкового орната со стулой, вуалью и нарукавниками, альбы (szwabska) с гумералом (накидкой), пояса и «велюма» для благословения верующих.

Все эти предметы добросовестно перечислены в описании, которое завершается скудным перечнем богослужебной литературы – один мшал, одна метрическая книга и «sobotnik tegoroczny».

Отсутствие скамей, скульптурных изображений, конфессионала и чаши со святой водой у входа, без которых не обходится костел, подтверждает мысль о следовании подданных панов Прушинских греко-католическим традициям. Недостаток сведений не позволяет судить о

преобразованиях, которые могли происходить в Лошицкой церкви в связи с решениями Замойского собора 1720 года, потребовавшего сближения греко-католической церкви с римско-католической, но родство с костельным убранством очевидно. Особенно если вспомнить о приверженности владельцев ордену иезуитов.

После перестройки, о которой, не приводя никаких подробностей, сообщает инвентарь 1789 года, усадебная церковь получила барочную центрическую композицию и приобрела вид восьмигранной ротонды под шатровой крышей со шлемообразным куполом на глухом барабане и пластичными фронтонами фасадов. Здание не уцелело, сначала став жертвой большевистского атеистического режима, и окончательно погибло накануне освобождения Минска от фашистов. Нам на память достались лишь руины каплицы, а облик сохранили фотографии, сделанные в 1920-е годы (рис. 5).

Рис. 5. Лошицкая усадебная каплица. Снимок 1920-х годов

Информацию о внутреннем убранстве храма после перестройки выявить не удалось, но понятно, что она сопровождалась созданием нового интерьера с размещением алтаря в центре литургического помещения. Сдержанный внешний декор здания подсказывает, что это – мемориально-сакральная постройка, основное назначение которой – быть местом отпевания и погребения, местом одинокой молитвы, общения с Богом и ушедшими в мир иной. Каплицу окружало кладбище с

могилами владельцев. Здесь служили и мессу, но только во время главных праздников и по специальному разрешению епископа.

Перестройкой ложицкой каплицы религиозное рвение молодого генерала не удовлетворилось. Как сообщают документы, в своих владениях он основал 8 костёлов, в их числе парафиальный костёл в Королицевичах (1785), костёлы в Кемелишках (1781), в Новом Дворе (1792) и др. [5, л. 72 об.].

Рис. 6. Генерал Станислав Прушинский (Источник: Kieniewicz, A. Nad Trupięcią dawno temu... Wspomnienie zamierzchłej przeszłości. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Łódź. 1989).

Заботливый хозяин, он много внимания уделял и своей карьере: исполнял должности старосты и судьи минского, подстаросты судового, подкомория минского (рис. 6). «За оказанные услуги и ревность к службе Его Величества» в 1775 году получил чин и звание генерала-адъютанта войска Польского [5, л. 102–102 об.]. Уже после окончательного присоединения белорусско-литовских земель к России, в 1797 году он, обладатель ордена св. Станислава, был избран маршалком шляхты (предводителем дворянства) Игуменского повета. В том же году, согласно семейному преданию, генерал Станислав Прушинский принимал у себя в Королицевичах царя Павла I и получил от него орден св. Анны с бриллиантами. Жизнь его закончилась рано, он прожил всего 47 лет, но его потомки составили «процветающую линию» Прушинских, называемую «генеральской» [1, с. 81].

Впрочем, Лошицей генерал увлекался недолго и, похоже, не часто сюда заглядывал. В 1789 году, окончательно утратив к ней интерес, он продал имение старшему брату – Антонию. При продаже, как и полагалось, был составлен подробный инвентарь [6, лл. 426–442], который правдиво рисует картину запустения усадебного дома. Даже при беглом взгляде понятно, что в нём давно никто не живет, он постепенно ветшает и разрушается: протекают потолки, полы испорчены мышами, во многих окнах недостает стекол и рам. Число ставен уменьшается за те 17 лет, что миновали от момента составления предыдущего инвентаря. Однако фольварочное хозяйство, как явствует из документа, пребывает в полном порядке.

Антоний – новый хозяин – судья гродский и подкоморий минский, маршалок Трибунала Литовского в 1774 г., генерал-адъютант королевский и кавалер ордена св. Станислава [8, с. 360] пользовался особым расположением отца, а потому получил от него, помимо назначенного разделом Нового Двора, еще и Тростенец, первоначально предназначенный Фелициану. А приобретя Лошицу, Антоний стал владельцем трех частей отцовского имения, которые уже совсем в другом государстве, Российской империи, предстояло наследовать и развивать трём его сыновьям – Станиславу Ксаверию, Рафалу и Томашу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Aftanazy R. *Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*. T.1. Wrocław. Kraków. Warszawa, 1991. – 340 с.
2. Козловский, П.Г. *Магнатское хозяйство западной и центральной Белоруссии во 2-ой половине XVIII в.* Автореф. дисс. – М., 1974. – 51 с.
3. Лакотка, А.І. *Пад стрэхаі прашчурאַ*.—Мінск: Польша, 1995. – 384 с.
4. Национальный исторический архив РБ, ф.179, оп.1, д.60.
5. Национальный исторический архив РБ, ф.319, оп.2, д. 2617.
6. Национальный исторический архив РБ, ф.1727, оп.1, д.13.
7. Национальный исторический архив РБ, ф.1727, оп.1, д.29, ч.6.
8. Uruski S. *Rodzina. Herbarz szlachty polskiej*. T. XIV. Warszawa, 1917. –384 с.
9. *Эканамічная гісторыя Беларусі: Курс лекцый / Пад агул. рэд. В.І. Галубовіча.* – Мн.: Экаперспектыва, 1993. – 288 с.